

Из переписки З. А. Миркиной и Г. С. Померанца с Б. А. и Л. С. Чичибабиными

З. Миркина — Чичибабиным

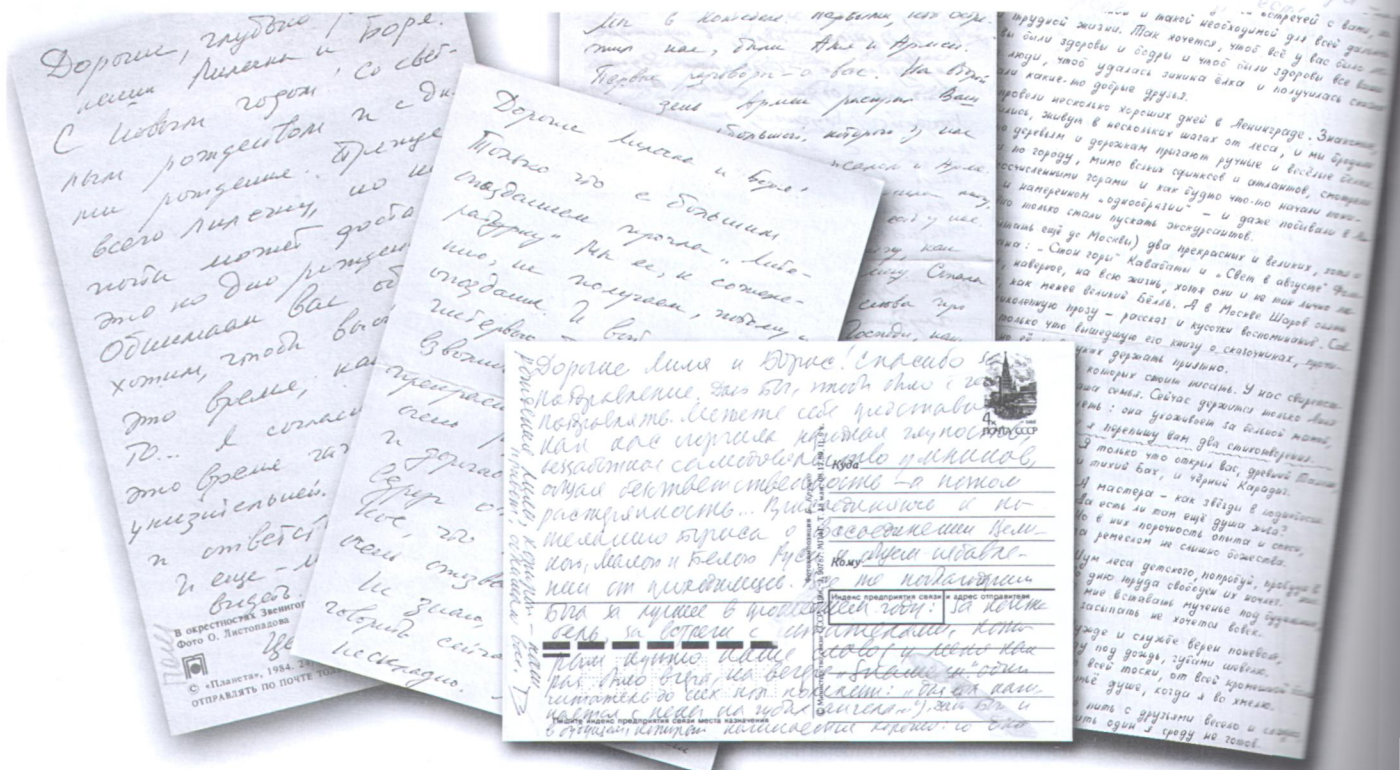
Дорогие, дорогие, родные мои Лиля и Борис!

Я так взволнована вашими письмами, что мне будет очень трудно «вразумительно» ответить вам... Я не говорю сейчас о слишком щедрых и, конечно, преувеличенных от вашего душевного переизбытка похвалах стихам моим, — дело даже не в том, что вы о них говорите, — дело в том, как говорится и, главное, сами говорящие, которые за этим встают.

Что вам сказать?.. Я полюбила вас обоих в тот единственный вечер, когда мы виделись и еще и еще больше, когда вчитывалась сама в стихи Бориса (об этом впереди), но после этих писем вы вошли в сердце так глубоко, как, наверно, в самом деле входит только чудо — сама подлинность, жизнь. И до чего дорого мне и нам, нам обоим то, что Вы, Борис, пишете о Лиле. Мы с Гришей всегда ощущаем наше «вместе», как чудо. И нам всегда очень холодно и больно видеть, как люди ко всему привыкают — к чуду жизни, к чуду любви, и жизнь и душевная подлинность как-то утекают из души,

и они мечутся вокруг самих себя, не входя вовнутрь. Услышать про ваше чудо — было прекрасно, и это как-то очень созрело нас. Мы очень хотим прочесть и иметь сонеты к Лиле. То, что есть у нас, — прекрасно и очень любимое...

Вообще о стихах Бориса я несколько раз порывалась написать отдельно, а потом предоставила это Грише... Скажу только, что основное ощущение от великолепных стихов Ваших — это сочетание мужества с нежностью, пропитанность одного другим — именно то, что вызывает и во мне, и в Грише огромную тягу. Нежность, которая в самый неожиданный момент вынырнет из глубины и спасет от разрушения (от саморазрушающей порой линии мужества); и мужество, которое всегда хранит нежность от размягчения и поверхностности, — от иллюзорности, утопий. В Ваших стихах всегда дышит Реальность. И потому даже самые горькие из них ближе к Богу, чем многие «светлые» стихи других поэтов. И еще — сквозь все, что Вы пишете, то, что Вы любите, бесконечно важнее Вам Вас самого. Чувство такое

Фотографии писем из личного архива Л. С. Карась-Чичибабиной

естественное и такое редкое, в особенности для современного поэта...

3 октября 1970 г.

Б. Чичибабин — З. Миркиной и Г. Померанцу
Дорогие Зина и Григорий!

Вам очень трудно представить себе, что значило для меня и Лили получить ваши письма. Живем мы однообразной, бедной и замкнутой жизнью. Харьков — город огромный, но в духовном смысле это глубокая провинция... Все лучшее — друзья, книги, впечатления — связано у нас с Москвой...

Мы очень любим Зинины стихи, продолжаем, читая их людям, мерить ими людей, а по письму мы полюбили ее еще больше и лучше... Милая, родная, любимая Зина! Пусть Вам всегда в жизни будет хорошо, как в лесу, и пусть Ваша жизнь будет долгой, здоровой и радостной и, если можно так сказать, всемирной. Как умею, своими словами, я за Вас и за Григория молюсь перед сном...

Октябрь 1970 г.

Г. Померанц — Чичибабиным

Дорогие Борис и Лиля!

Вы очень милые и очень плохо представляете себе Москву. Тот же огромный город (чуть побольше) и в то же время провинциальный город (чуть меньше провинциальный, но далеко, далеко не Город Духа). Так же редко встретить человека, живущего наяву, а не сонно торопящегося по тротуару... И в Москве вы такая же необычность, как в Харькове... И такая же необычность — стихи о любви, досветившие человека до иконы... У Вас Бог открылся в женщине. Потом постепенно будет открываться в другом... Главное у Вас уже есть: человек человеку икона, святыня...

Ноябрь 1970 г.

... Ваши письма надо носить в ладанке у сердца. Такой глубокий отклик лучше самого толчка, который вызвал его... Если бы все могли так откликаться! К сожалению, ничего подобного нет. Чуть тронутый талантом человек (иногда только в своем воображении тронутый) уже считает себя учителем и откликаться ни на что не способен (кроме лести). Вы, еддя в Харькове, сильно переоцениваете московскую элиту и недостаточно цените самих себя...

Начало 1971 г.

Б. Чичибабин — Г. Померанцу и З. Миркиной

... Благодаря вам, мы отчетливо, всем существом осознали, поняли, ощутили, как мало, как ничего мы не знали о том главном в жизни, и на-

шей собственной, и всемирной, о чем, в общем-то, только и пытались самонадеянно рассуждать. Конечно, мы догадывались об этом главном и знали, что оно — главное, и даже нам казалось, что в какой-то мере мы им живем и что-то знаем об истине, и, конечно, мы пришли к вам и полюбили вас не случайно, — но в то же время и сколько лишнего и ложного (хотя, может быть, и нужного?) было в нашем пути и в какой суете — житейской, литературной, «гражданственной», всяческой — мы проводили (провожили?) нашу жизнь, считая, что это связано с главным, имеет к нему какое-то отношение. По всей вероятности, в нашей внутренней жизни, опять-таки благодаря вам, происходят какие-то большие перемены, чем-то — крушением каких-то иллюзий, ниспровержением каких-то идеалов — похожие на то, что было со мной три года назад, когда я написал стихи о смерти, — только тогда все было мрак и боль, а сейчас все — свет и радость...

Весна 1971 г.

З. Миркина — Чичибабиным

Мои бесконечно дорогие друзья!...

Каждое ваше письмо — это глоток воды в сухость или домашнее тепло в холод... Как я благодарна вам обоим, это Бог знает. То, что я пишу, стихи мои — я никогда не знаю, хорошо это или плохо, и, по правде сказать, даже и не стремлюсь знать. Я знаю, что это — живое. Просто живое, как трава, как дерево... Так обычно живут среди людей мои стихи — так же незаметно и уж отнюдь не «событийно», как трава и дерево...

Июль 1971 г.

... У нас было очень трудное время, и Гриша все время просил не писать вам, боясь вас огорчать. Ваши письма такие взволнованно трогательные, такие дорогие... Пока письмо придет и обернется ответ, столько души выболит, а ведь не можешь же подойти, взять за руку. Это очень плохо, что мы живем в разных городах...

Недавно в один очень трудный вечер, когда как-то душность обступила до физической невозможности, Гриша сказал, почти прошептал мне: «В Харькове, хочу в Харькове». Но он болен. И поехать в Харькове мы не можем...

А по-настоящему вы даже не можете себе представить, как и сколько мы вас вспоминаем и как вы нам нужны, как нам хорошо на сердце оттого, что вы есть...

5 мая 1972 г.